

В СЕРЕБРЯНОМ веке был настоящий культ Царского Села и его окрестностей. "Поедем в Царское Село!" — призывал Осип Мандельштам. "О, пленительный город загадок, / Я печальна, тебя полюбив", — вздыхала Анна Ахматова. "Я Гумилёву отдавал визит, / Когда он жил с Ахматовой в Царском, / В большом прохладном тихом доме барском, / Хранившем свой патриархальный быт", — констатировал Игорь Северянин.

Александр Бенуа скрупулёзно изучал царскосельские достопримечательности, выпустив монографию "Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны". Богато украшенное издание с орнаментальными рамками и виньетками произвело фурор среди эстетов. Евгений Лансере создал сочную, но слегка ироничную акварель: расфранчённая Елизавета стоит на пороге своей резиденции, а вокруг неё — лстыивые царедворцы.

Художники приезжали на пленэр — писать и зарисовывать природу и павильоны. Зинаида Серебрякова, Мстислав Добужинский, Анна Остроумова-Лебедева оставили после себя галерею царскосельских образов. Туда ходили гулять и грезить — прозрачен воздух и надо всем витает дух Пушкина. Царское Село вообразалось мистическим, особенно в пору белых ночей. Анна Ахматова писала: "На землю саван тягостный возложен, / Торжественно гудят колокола, / И снова дух смятен и потревожен / Истомной скукой Царского Села". В этой истомной скуке виделось нечто потустороннее: аллеи Царского Села притягивали и — затягивали.

Биография этой резиденции пестра и многогранна. Каждый монарх привносил нечто своё, обустроивая местность. Исключением всего два — Пётр II, скончавшийся в подростковом возрасте и не успевший понять, чем и зачем он владеет, и Анна Иоанновна, не выносившая Царское Село, принадлежавшее в тот момент цесаревне Елизавете Петровне. Поговаривали, что из Царского тянет смутой, хотя весёлая Лизанька и не думала тогда о короне.

Зато, придя к власти, она затеяла грандиозное строительство, пригласив зодчего Бартоломео Растрелли. Ширился парк, вырастали павильоны. Резиденция прирастала хозяйственными и общественными постройками, улицами, церквями — так сформировался городок. Екатерина, Александр, Николай... их пребывание в Царском отражало художественные вкусы и моды — то завитки-виньетки, то строгость дворцового ордера.

И разумеется, это лицейское братство. "И, чуждый призраку близательная славы, / Вам, Царского Села прекрасные дубравы, / Отныне посвятил безвестной Музы друг / И пес-

ни мирные, и сладостный досуг", — восклицал Александр Пушкин, вспоминая дни в Лицее. Уникальность самого замысла — воспитание элиты по новейшим программам, да ещё близ государя — это было смелым шагом. Как же после этого не начертать: "Всё те же мы: нам целый мир чужбина; / Отечество нам — Царское Село"?

НЕСМОТЯ на то, что на дворе отнюдь не Серебряный век, интерес к Царскому Селу не ослабевает. В Государственном историческом музее сейчас проходит выставка "Сокровища императорских резиденций. Царское Село". Экспозиция разнообразна: портреты и канделябры, военная форма и шкатулочки, чернильные приборы и дорогостоящее оружие, а ещё коляски и сани, в том числе парадные. Имеются и курьёзные штуки — презабавна курительная трубка с изображением головы Александра III, а фарфоровые фигурки

Амура на крышке. Изумляет мастерское чувствование всех оттенков янтаря — от бледно-жёлтого до красно-коричневого. Это чудо позднего барокко. Но вместе с тем Турау стремился к чистоте линий и минимизации визуального "шума".

XVIII—XIX века — эра эпистоларности. Излагать на бумаге соображения, мечты и мысли — этому учили с самого детства. Аристократа, не обладавшего даром изысканного письма, частенько вышучивали в свете. Шикарная чернильница — показатель благосостояния. В экспозиции несколько чернильных приборов, которые имели как практический, так и мощный эстетический смысл. Вот сооружение в неоготическом стиле, принятом в 1820–1830-х годах. О том, что эта махина — для чернил, поначалу трудно догадаться. На малахитовом постаменте бронзовый храм, и только пара небольших "сосудов" по бокам говорит нам о том, что это все-го-навсего чернильница.

«Вид Царскосельского парка». Художник Семён Щедрин. 1779 г.

ТАЙНЫ ЦАРСКОГО СЕЛА

Экспозиция в Историческом музее

животных вызывают радостное умирление.

Некоторые предметы впервые покинули царскосельские стены — тому пример перламутровый столик, по легенде подаренный турецким султаном Екатерине II. Есть и другая версия, связанная с Григорием Потёмкиным: он якобы привёз эту фантастическую вещь из путешествия.

Всёобщее внимание привлекают ценнейшие предметы, связанные с Янтарной комнатой. Эту красоту, созданную в Германии, подарил Петру Великому король-фельдфебель Фридрих-Вильгельм I. Он, во-первых, желал поднести царю шикарный презент, а во-вторых, Янтарная комната казалась простоватому тевтону чем-то вроде баловства для расточителей. Его наследник Фридрих Великий чрезвычайно жалел об этой утрате. Но Бернштайнциммер уже сделалась русским сокровищем! В ходе нацистской оккупации Янтарная комната была похищена и вывезена в "тысячелетний рейх" — эта история по сию пору окутана детективными тайнами, которые активно исследовал Юлиан Семёнов, литературный "отец" Исаева-Штирлица.

У гостей выставки есть возможность увидеть предметы, сотворённые из янтаря данцигским умельцем Готфридом Турау. Он-то и делал панели для Янтарной комнаты. Вот ларец с фигурками Венеры и

В экспозиции представлено множество предметов в неоготическом стиле — подсвечники, кувшины, шкатулочки и часы. В те времена часы как таковые считались товаром престижного потребления. Не у каждого питерского чиновника они имелись — будила кухарка тычком в бок. Большинство населения вставало "с петухами".

Часы оформлялись с невыразимой пышностью. Вот каминные часы "Реймский собор", сработанные во Франции. На Парижской промышленной выставке литейное предприятие "Братья и сёстры Бавозе" явило несколько моделей каминных часов — так называемую соборную серию. Корпуса из золочёной бронзы выполнили в виде уменьшенных повторений соборов Реймса, Руана и Ренна. Один из таких экземпляров был приобретён для Николая I и его супруги, большой поклонницы неоготики. Глядя на это произведение, даже не сразу видишь сами часы, ловко вписанные в громаду собора, — хочется разглядывать башенки с острыми навершиями, а уже потом узнавать время.

А здесь иные предпочтения. Ваза-курительница и чайная пара, созданные на Мейсенской мануфактуре в технике "бульденеж", от французского *boûle de neige* — снежный шар. Те шарики состояли из массы крохотных белых цветочков, каждый из которых лепился

отдельно, покрывался глазурью и обжигался. Фарфоровые диковинки были выдуманы в XVIII веке художником и скульптором Иоганном Кендлером, трудившимся на мануфактуре. Бульденеж полностью отвечал вкусу рококо: затайливость, манерность, сложность. Отличительная деталь бульденежа — экзотические птички, дополняющие цветочную сказку. В экспозиции можно увидеть всевозможные изделия из фарфора — высокие ампирные вазы с символами триумфа и видами городов, щедро орнаментированные сервизы, супницы, блюда, статуэтки.

В огромной витрине представлена одежда наших государей. Точка сборки — мундирное платье Екатерины Великой, ею же изобретённое. Она не терпела французских мод — потешных и дорогостоящих, одеваясь с максимальным удобством, насколько это позволял силуэт галантного века. Мужская одежда всегда привлекала Екатерину — в мундире проще творить историю, ковать грядущее, что и было доказано в 1762 году, когда, переодевшись в военную форму, немка Фикхен заняла романовский престол. Мундирное платье — знак её личной силы. Это своеобразное "милитари" императрица ввела как женский вариант мундиров воинских формирований, шефом которых она являлась. В форменном платье царица являлась на парады и полковые праздники.

НА СТЕНАХ — картины, часть которых малоизвестна. "Дафнис и Хлоя" Карла Брюллова экспонируется довольно редко, а сам художник не считал эту работу выдающейся. Популярный сюжет — любовь пастушки Хлои да пастушка Дафниса на фоне идиллической природы. К этой фабуле художники обращались с неизменным энтузиазмом — от Франсуа Буше до Марка Шагала.

Ещё одна вещь Карла Брюллова "Святая Александра, возносящаяся на небо" — это портретикона младшей дочери Николая I. Она росла тихой, скромной и безразличной. При этом Александр (для домашних — Адини) слыла обаятельной душечкой. Царевна увлеклась рисованием и вокалом, проявляя незаурядные способности. Она по любви вышла замуж за принца Гессен-Кассельского, но недолго длилось то счастье — слабенькая Адини умерла при рождении ребёнка, прожившего всего час. Это было страшным ударом для отца-императора. На полотне Брюллова ангел возносит молодую женщину в райский поток света — она более не принадлежит сему миру.

Ярка и празднична картина "Царскосельская карусель", написанная французом Орасом Верне по заказу Николая I. Карусель — это вовсе не аттракцион, а конная военная игра, затеявшаяся в эпоху Возрождения. Карусель включала парадную выездку, показательные выступления всадников и даже

конные балеты. Николай I, обожавший помпу и маскарады, устроил в Царском Селе феерическое действо. В группе всадников, облачённых в ренессансные костюмы, легко узнать членов большой императорской семьи, причём Николай I одет в подлинный доспех, составлявший гордость его коллекции.

На выставке множество портретов. Здесь и Пётр Великий с маршальским жезлом, и его дочь — пышная Елизавета, вся в бриллиантах, и Екатерина II, прозванная Минервою Севера. Чудесны виды Царского Села, запечатлённые в XVIII веке. Рядом шедевры старых мастеров, собранные по всей Европе, — светлоликие мадонны, фламандские натюрморты, итальянские пейзажи. Есть и необычные изображения — к примеру, портрет... собаки. Это борзая, подаренная Григорием Орловым своей коронованной любовнице. Заказ был сделан Иоганну Грооту — виднейшему анималисту (не путать с Георгом Гроотом, писавшим "персоны" цариц и вельмож). Автор блестяще передал фактуру — позволю резбь дивана, шёлк обивки и мягкую шерсть собаки. Во всём — ощущение гладкости.

Экспозиция колоссальная, и, чтобы разглядеть все её нюансы, надо прийти сюда не один раз. Царское Село — средоточие великолепия и тайн, печалей и радостей, торжеств и траурных церемоний. "Все души милых на высоких звёздах. / Как хорошо, что некогда терять / И можно плакать. Царскосельский воздух / Был создан, чтобы песни повторять", — утверждала Анна Ахматова. Впрочем, сама выставка не настраивает на мирный лад — поэтическая меланхолия нынче не в фаворе.

Галина ИВАНКИНА

ВРЕМЯ, КАК ИЗВЕСТНО, при всей своей протяжённости, — жидкость весьма свёртывающая. Вот и фильму "Ирония судьбы, или С лёгким паром" режиссёра Эльдара Рязанова на днях исполнится уже ни много ни мало — полвека. И, наверное, в этом году его снова будут показывать по разным каналам отечественного телевидения — а что же ещё всем нам необходимо смотреть в канун новогоднего праздника? За прошедшие годы телеисторию московского участкового хирурга Евгения Лукашина (роль Андрея Мягкова) и ленинградской (позвольте использовать здесь такое название) школьной учительницы Надежды Шевелёвой (роль Барбары Брыльской) посмотрели уже не менее полумиллиарда человек, и её, эту историю, все желающие успели рассмотреть не просто вдоль и поперёк, но также во всех возможных диагоналях и проекциях, ракурсах и дискурсах. "Классика жанра", "культовый фильм", "символ эпохи", "часть коллективной памяти и новогоднего ритуала", "культурный код", "выдающийся портрет целого поколения", — каких только громких определений и эпитетов не была удостоена эта лента за свою полувековую историю, которую, тем не менее, вряд ли можно считать окончательно завершённой, а потому ставшей достоянием прошлого — пусть её герои сейчас

сердцах эта лента заставляет звучать резонансом даже сегодня, когда многие её создатели, не говоря уже о зрителях, ушли из жизни, а общество наше успело пережить множество не слишком заметных, заметных, а нередко даже прямо бросающихся в глаза изменений — можно сказать, стало другим, причём успело сделать это уже не раз. Например, вы представляете себе сегодня загрузку невменяемо пьяного и без документов Жени Лукашина в самолёт рейса Москва — Санкт-Петербург? А реакцию на него других пассажиров? А реакцию хозяйки квартиры Нади Шевелёвой на присутствие в её квартире неизвестного незнакомого человека? Это к слову о разнице человеческих отношений в "застойном" СССР и в современной России.

Какой же вывод из всего этого следует? Что мы — "чем больше всё меняется, тем больше

личие от "Иронии судьбы", подобной глубинной, живой сопричастности у зрителей он давно уже не вызывает — прежде всего потому, что там показаны совсем другие люди, с другими проблемами и системами ценностей, целиком принадлежащие иному "духу времени": чуть более близкие нам, но в целом не менее далёкие, чем герои грибоедовского "Горя от ума" или гоголевского "Ревизора". То есть за неполные двадцать лет, прошедшие от "Карнавалной ночи" до "Иронии судьбы" наше общество и наша жизнь в нём претерпели куда более значимые, существенные трансформации, чем за последующие полвека, изменился сам образ и стиль жизни. В первом из этих двух рязановских фильмов нет и намёка на какую-то камерность, интимность — нет, всё предельно публично, общественно, сценично, это куда в большей степени острая

дарством стандартные малометражные квартиры в стандартных новостройках. Видимо, свою роль в формировании подобной трактовки сыграли и политическая конъюнктура того времени, и репутация самого Рязанова, известного, помимо своих фильмов, ещё и едкими эпиграммами — например, такой, получившей в советские времена буквально всенародную известность: "Мы не сеём, не пашем, не строим — / Мы гордимся общественным строем!".

Но режиссёрская "фига в кармане", оставалась не более чем "фигой в кармане", модным аксессуаром художественной "номенклатуры" — ведь всё-таки экранный хирург Лукашин принимал до тридцати человек за рабочий день, а экранный педагог Шевелёва, как сообщается, была удостоена фото на доске почёта своей школы, то есть "вкалиывали" эти телегерои — каждый по своей специальности — минимум на совесть. Но при этом некая "валентность" внутри них — возможно, "валентность", обозначаемая в рамках традиционных ценностей как "Бог", — всё же оставалась незанятой. Не потому ли для хирурга Жени такое значение имело совместное с друзьями ежегодное посещение бани 31 декабря, а уточнённая красавица и умница Надя к своим 34 годам так и не нашла себе пару? "А семьи всё нет, не получилось, бывает..." Но в официальном атеистическом советском обществе речь о Боге могла идти прежде всего через речь о Любви (евангельское "Бог есть Любовь"), и, с данной точки зрения, если признанная "культовой" "Ирония судьбы" — это история о любви между людьми, то, например, столь же "культовый" телесериал "Семнадцать мгновений весны" — это история о любви к Родине, к близким своим (кстати, помимо всего прочего, у этих, таких разных, во всём, кроме суперпопулярности, фильмов — один композитор, Микаэл Таривердиев, чья музыка давала общую для них "звуковую атмосферу").

СРЕДИ МНОЖЕСТВА разных фактов, сопровождавших появление этих картин, также можно выделить момент их создания изначально для ТВ, а не для кино — момент, который, перефразируя известные ленинские слова, можно выразить так: "Важнейшим из искусств для нас является телевидение" (на следующем этапе технологического прогресса, уже в XXI веке — Интернет). Поэтому по всему "Ирония судьбы" — не бытовой анекдот, не рождественская "сказка для взрослых" и даже не "святочный рассказ", а притча о том, что между Галей "для галочки" ("будет мелькать перед глазами туда-сюда, туда-сюда") и Надей "для надежды": на любовь, на счастье, на чудо, — человек всегда может выбирать (и должен выбирать) последнюю. Даже вопреки всем писаным или неписанным нормам, правилам и законам.

"Нашим фильмом мы хотели как бы постучаться в сердце каждого человека и сказать: "Помни, что надо верить людям, что жизнь прекрасна, что чудо возможно!" — впоследствии разъяснял Эльдар Рязанов. Но здесь, как мне кажется, всё-таки присутствует ещё одно — возможно, самое важное — обстоятельство: в каком-то смысле "Ирония судьбы", сделанная по вполне советским меркам, оказалась ещё и спецзаданием "на вырост" нашему обществу, причём в этом смысле все мы в России последние пятьдесят лет продолжаем "расти". Конечно, примеряя, впору нам уже или ещё нет эта привычная одежда.

Георгий СУДОВЦЕВ

Кадр из фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975)

выглядят уже подчёркнуто несовременными, "из той жизни", с другими нормами, правилами и законами, но они — всё ещё часть нашего актуального настоящего: часть, от которой мы, несмотря ни на что, не можем (не в состоянии) либо не хотим отказаться. Мы живём в таких же домах, почти так же одеваемся, так же наряжаемся новогодние ёлки такими же игрушками и мишурой, и даже "те самые" "жигули" (Ипполит) с "волгами" (таки из ленинградского аэропорта) ещё можно встретить на наших улицах, а "ту самую" мебель — в наших жилищах. И, конечно, смотрим (и заново переживаем) "Иронию судьбы". Какие-то глубинные струны в наших

остаётся неизменным) — продолжаем быть прежними? Или же речь должна идти о чём-то другом?

В ЕДЬ ВОТ удивительное дело: налицо другой "новогодний" фильм того же режиссёра, только посвящённый встрече не 1976-го (вернее, 1975-го, дата определяется по фильму "Соломенная шляпка", но монтаж ленты завершился лишь в июне, и она полгода ждала премьеры), а 1957-го года, — "Карнавальная ночь", с образами Серафима Ивановича Огурцова (роль Игоря Ильинского) и Леночки Гурловой (роль юной Людмилы Гурченко), но, в от-